

DOI: [10.14515/monitoring.2023.4.2352](https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.4.2352)

Л. А. Чернышева, О. Н. Запорожец

ЦИФРОВЫЕ ПЛАТФОРМЫ И МОБИЛИЗАЦИЯ ГОРОЖАН: КАК ЛОКАЛЬНОСТЬ ПЕРЕОПРЕДЕЛЯЕТ КОННЕКТИВНОЕ ДЕЙСТВИЕ

Правильная ссылка на статью:

Чернышева Л. А., Запорожец О. Н. Цифровые платформы и мобилизация горожан: как локальность переопределяет коннективное действие // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 4. С. 124—148. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.4.2352>.

For citation:

Chernysheva L. A., Zaporozhets O. N. (2023) Digital Platforms and Urban Mobilizations: How Locality Redefines Connective Action. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 124–148. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.4.2352>. (In Russ.)

Получено: 13.12.2022. Принято к публикации: 03.08.2023.

ЦИФРОВЫЕ ПЛАТФОРМЫ И МОБИЛИЗАЦИЯ ГОРОЖАН: КАК ЛОКАЛЬНОСТЬ ПЕРЕОПРЕДЕЛЯЕТ КОННЕКТИВНОЕ ДЕЙСТВИЕ

ЧЕРНЫШЕВА Любовь Алексеевна — кандидат социологических наук, научный сотрудник, Социологический институт РАН — филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия
E-MAIL: l.a.chernysheva@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-9107-8211>

ЗАПОРОЖЕЦ Оксана Николаевна — кандидат социологических наук, Независимый исследователь, Берлин, Германия
E-MAIL: ozaporozhets@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0001-7301-0128>

Аннотация. Статья посвящена роли локальных цифровых платформ (гражданских медиа) в городских конфликтах. Мы обращаемся к теории коннективного действия, анализирующей современные формы мобилизации (совместных действий по достижению определенных целей), которые разворачиваются онлайн или на стыке онлайн/офлайн и соотносятся с более широкой политической повесткой (например, движениями “Осциру” и “Indignados”), и рассматриваем, как эта теория работает в случае локальных объединений, связанных с решением городских проблем. Основываясь на материалах исследований, проведенных в 2018—2020 гг. в российских городах-миллионниках (Самаре, Новосибирске, Санкт-Петербурге и Москве), мы выделяем четыре ба-

DIGITAL PLATFORMS AND URBAN MOBILIZATIONS: HOW LOCALITY REDEFINES CONNECTIVE ACTION

*Liubov A. CHERNYSHEVA*¹ — *Cand. Sci. (Soc.)*, *Research Fellow*
E-MAIL: l.a.chernysheva@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-9107-8211>

*Oksana N. ZAPOROZHETS*² — *Cand. Sci. (Soc.)*
E-MAIL: ozaporozhets@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0001-7301-0128>

¹ Sociological Institute of the RAS — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia

² Independent Researcher, Berlin, Germany

Abstract. The paper focuses on local digital platforms (citizen media) and their involvement in urban negotiations and conflicts. It aims to revise connective action theory, which describes mobilizations that occur online or both online and offline around a broad political agenda (e.g., Occupy and Indignados movements). The paper explores how applying connective action theory to local mobilization campaigns updates the theory, making it more sensitive to the diversity of connective actions and thus more applicable to empirical research. The paper proposes a typology of connective action based on two criteria: 1) the extent to which a single digital platform dominates the campaign; and 2) the division of responsibility and agency between the initiative group, which acts as the manager of online platforms (groups), and

зовых типа локальных коннективных действий и иллюстрируем их примерами конкретных градозащитных кампаний. Эти типы различаются по двум параметрам: 1) уровню монополизации кампании одной цифровой платформой и 2) характеру распределения ответственности и агентности в рамках кампании между инициативной группой, выступающей администратором онлайн-страниц, и подписчиками.

Ключевые слова: коннективное действие, локальность, оспаривание, город, мобилизация, гражданские медиа, онлайн-платформы

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 1878-10054-П «Механизмы согласования интересов в процессах развития городских территорий».

Введение

Когда в 1986 г. образовалась «Группа спасения памятников истории и культуры Ленинграда» — одна из первых градозащитных организаций в СССР, объединившая в самом начале своего существования несколько десятков человек, — вряд ли у кого-то мог возникнуть вопрос, что имеется в виду под словом «группа». Уже в 2010-х годах, обсуждая с информантами градозащитные конфликты, мы то и дело сталкивались с появившейся двусмысленностью этого слова, усложняющей исследование. На вопрос интервьюера: «Как вообще ваша активистская группа <...>, сколько это было человек?» — информант отвечал: «Ну, не знаю, семьсот-восемьсот» (инф. 1), что делало неуместным следующий запланированный вопрос о внутригрупповой динамике и личных отношениях между активистами. Другая информантка рассказывала об участниках конфликта так: «Они все здесь живут рядом, вот, они все входят в эту группу по защите лесопарка», а на уточнение интервьюера «а что за группа такая?», внезапно отвечала: «Сейчас я вам **покажу**» (инф. 2), — и открывала приложение «ВКонтакте» на своем смартфоне.

В повседневном языке понятие «группа» (или «сообщество») в значении ядра кампании или гражданской инициативы прочно смешалось с пониманием «группы» (или «сообщества») как элемента интерфейса социальных сетей. Фактически это означает, что онлайн-платформы¹, включая сайты, мессенджеры и группы

the subscribers. Based on data collected from three studies of local grassroots campaigns conducted in 2018–2020 in large Russian cities (Samara, Novosibirsk, St. Petersburg, and Moscow), four types of local connective action are highlighted and described.

Keywords: connective action, locality, urban contestation, mobilization, collective action, citizen media, social networking sites

Acknowledgments. The research is supported by the Russian Science Foundation Grant No. 18-78-10054-P “Mechanisms of Interests Coordination in the Urban Development Processes”.

¹ Здесь и далее под онлайн-платформами понимаются технологические онлайн-системы, позволяющие своим пользователям общаться и взаимодействовать [Koskinen, Bonina, Eaton, 2019].

в социальных сетях, выступают не просто инструментами взаимодействия, а «действующими лицами», или «организующими агентами», политической и гражданской мобилизации [Bennet, Segerberg, 2012] — организации совместных действий горожан по достижению определенных целей. При этом платформы формируют практики активистов настолько же, насколько активисты формируют сами платформы [Mortensen, Neumayer, Poell, 2018]. Активная роль онлайн-медиа, трансформирующая политическую мобилизацию и гражданский активизм, побуждает переосмыслить коллективное действие [Olson, 1965] и ответить на вопрос, что именно происходит, когда в объединение горожан вмешиваются интернет и социальные сети [Lupia, Sin, 2003].

С одной стороны, исследователи не находят связи между распространением интернета и ростом протестной активности [Meier, 2009]. Популярна технопессимистическая позиция, фиксирующая усиление индивидуализма и распространение «активизма на диване» [Shulman, 2009; Morozov, 2011]. С другой стороны, исследования показывают, что радикальная индивидуализация происходит параллельно с формированием новых форм коллективности [boyd, Golder, Lotan, 2010; Gerbaudo, Treré, 2015] и политической активности, развитием цифровых гражданских медиа (citizen media) — создаваемых и поддерживаемых горожанами онлайн-площадок, собирающих вокруг себя местных жителей и дающих возможность «несистемным игрокам продвигать контент, противоречащий доминирующим дискурсам» [Stephansen, Treré, 2019: 1]. Медиирование² онлайн-платформами взаимодействий горожан способствует появлению гибридизированных сообществ [Cabitz et al., 2016; Mosconi et al., 2017; Чернышева, Гизатуллина, 2021], чьи практики, с одной стороны, строятся в логике, ограниченной интерфейсами и возможностями онлайн-платформ, а с другой стороны — переопределяют эти платформы.

В ситуации, когда сообщества гибридируются и соединяют в себе онлайн- и офлайн-элементы, а интерфейс «группы» в социальных сетях начинает играть значимую роль в организации протестной кампании, необходимы новые инструменты для анализа мобилизации. На помощь может прийти концепция Лэнса Беннета и Александры Сегерберг [Bennet, Segerberg, 2012, 2013]. Используя язык интернет-технологий, само существование которых связано с нахождением онлайн (to be connected), для фиксации современных мобилизаций авторы предлагают новый термин — «коннективные действия» (connective actions). Л. Беннет и А. Сегерберг противопоставляют коннективные действия «классическим» коллективным действиям. Если коллективные имеют четкое лидерство, идентифицируемую группу участников, связанных единой идеологией, то коннективные представляют собой сети, образуемые индивидуальными политическими действиями в различных социальных медиа, при отсутствии направляющей организации и единой идеологии [ibid.]. Примерами подобных технологически опосредованных социальных действий являются масштабные политические кампании

² Под медиированием мы понимаем технологическое посредничество, которое осуществляют онлайн-платформы, делая возможным общение и взаимодействие больших групп горожан. Мы отличаем медиирование от медиации как устоявшейся процедуры разрешения городских конфликтов и противоречий с участием третьей стороны.

2010-х годов, включая “Occupy”³ [ibid.; Mattoni, 2018] и “Indignados”⁴ [Anduiza, Cristancho, Sabucedo, 2014].

Наш опыт горожанок и исследовательниц города показывает, что сегодня онлайн-платформы и социальные медиа играют значительную роль не только в масштабных протестах, подобных «модельным» “Occupy” или “Indignados”, но и в оспаривании городского пространства и локальных конфликтах, таких как борьба против масштабного реновационного строительства, вырубки деревьев, сноса исторических зданий. Наш интерес к локальным конфликтам связан с тем, что в ситуации постоянно сужающихся возможностей политического участия в России городские проблемы остаются одной из немногих областей, где допускается выражение гражданского недовольства [Желнина, Тыканова, 2019; Бедерсон и др., 2021]. Исследование протестных выступлений, состоявшихся в российских городах в 2010-х годах, показывает, что горожане склонны игнорировать масштабную политическую повестку, но бороться с затрагивающими их непосредственно проблемами городской жизни [Семенов, Минаева, 2021]. Городские конфликты разворачиваются на разных аренах, от зала суда до уличных пикетов. Однако в ситуации, когда на протяжении многих лет политическая и гражданская жизнь вытесняется с улиц и площадей российских городов жесткими репрессивными мерами (силовыми разгонами демонстраций, массовыми арестами и возбуждением административных дел в отношении их участников), онлайн-площадки становятся все более важными пространствами консолидации горожан и отстаивания ими своих прав.

Онлайн- и офлайн-мобилизация горожан по поводу оспаривания определенных городских пространств бросает вызов концепции коннективного действия, поскольку добавляет важное измерение *локальности*, ведь конфликт происходит по поводу конкретного места в масштабах города. В этой статье мы задаемся вопросом, как внимание к локальности может способствовать более нюансированному пониманию коннективного действия. Разобрав четыре случая из российских городов-миллионников (Самары, Новосибирска, Москвы и Санкт-Петербурга), мы покажем специфику коннективного действия в защитных городских кампаниях, в рамках которых формируются и функционируют локальные гражданские медиа — в первую очередь группы в социальной сети «ВКонтакте». Отобранные нами случаи представляют собой четыре базовых типа локального коннективного действия, которые выделены на основе двух параметров, позволяющих соединить *человеческие* и *технологические* аспекты мобилизации горожан. К их числу относятся агентность и распределение ответственности между участниками за-

³ Движение “Occupy” — одно из первых глобальных движений, основанных на онлайн-коммуникации. Возникло в сентябре 2011 г. в Нью-Йорке и на протяжении 2011—2012 гг. актуализировалось в городах по всему миру. Целью движения была артикуляция существующего неравенства в капиталистических обществах и борьба за более справедливое распределение благ и совершенствование демократических институтов. Движение действовало через занятие протестующими городских общественных пространств (площадей, парков и пр.) и декларацию своих интересов онлайн и офлайн.

⁴ Движение “Indignados” — массовые выступления в Испании в 2011—2015 гг., направленные против власти экономического капитала и распределительного неравенства, остро проявившегося во время кризиса 2008 г. Значимую роль в координации и обозначении основных требований движения сыграли тематические группы в социальных сетях и онлайн-платформа “¡Democracia Real YA!”, объединившая несколько сотен групп протестующих. Как и “Occupy”, “Indignados” было городским протестным движением, предполагавшим захват и кратковременное удержание во власти протестующих городских общественных пространств или резиденций крупного капитала (банков, офисов и пр.).

щитных кампаний в онлайн- и офлайн-пространствах, а также степень монополизации защитной кампании одной цифровой платформой.

Концепция и типы локальных коннективных действий

Анализ базы данных российских городских конфликтов, составленной в рамках проекта «Механизмы согласования интересов в процессе развития городских территорий», показывает, что в последнее десятилетие горожане активно задействуют онлайн-платформы (группы во «ВКонтакте» или Facebook*⁵, Telegram-каналы, чаты в мессенджерах) для организации и координации своих усилий по решению самых разных городских проблем.

Мы уже отмечали, что для описания гибридных взаимодействий наиболее релевантна концепция коннективного действия [Bennet, Segerberg, 2012, 2013]. Она фиксирует и возросший индивидуализм как новое состояние социальности, и многократно увеличившееся значение онлайн-платформ как самостоятельных акторов и медиаторов социального взаимодействия. Коннективное действие основано на действиях отдельных людей, которые выражают свои интересы и позиции, активно используя онлайн-платформы как наиболее привычную, удобную и доступную им форму коммуникации, при этом часть действий может разворачиваться и офлайн. Коннективные действия производятся одновременными усилиями множества человек на онлайн-платформах, что делает совместные акции зависимыми от возможностей и ограничений (аффордансов) самих платформ, превращая цифровые ресурсы в значимых участников политических действий [Evans et al., 2017; Treré, 2018]. Важной частью коннективных действий, связанных с возможностями платформ и онлайн-коммуникации, является создание виртуальных форм, выступающих символами кампаний, которые способны за короткое время достичь многомиллионных аудиторий (лозунг «Нас 99%!» в «Осциру», хештеги #MeToo и #BLM).

Условием коннективного действия, как и многих других сетевых действий [Raine, Wellman, 2012], выступает наличие новой социальности, которую оно поддерживает и усиливает. Новая социальность основывается на разветвленных горизонтальных коммуникациях, кратковременных ситуативных, а не длительных и устойчивых коллективных идентичностях [Gerbaudo, Treré, 2015], изменении в формах близости и коммуникации лицом к лицу [Gerbaudo, 2012], восприятии цифровой инфраструктуры как части активистской группы [Milan, 2015]. В своих текстах Л. Беннет и А. Сегерберг [Bennet, Segerberg, 2012, 2013] рассматривают коннективное действие как новый тип социального и политического действия, доминирование которого неизбежно в эпоху цифровых платформ, медианного участия. Особенности коннективного действия проявляются и за счет его сопоставления с традиционной формой солидаризации — коллективным действием.

За почти десятилетие активного использования концепции коннективного действия накопилась как ее апологетика, так и критика. Критика связана преимущественно с предельно широким пониманием коннективного действия, размываю-

⁵ Здесь и далее * означает, что деятельность данной социальной сети запрещена на территории РФ 20 июня 2022 г.

щим его значение, с неопределенностью и противоречивостью роли технологий в мобилизации [Evans et al., 2017; Pond, Lewis, 2019], с непонятностью сочетания онлайн- и офлайн-режимов действия [Mattoni, 2018; Chung et al., 2021], с принципиальной алокальностью концепции, фокусирующейся на крупномасштабных протестных кампаниях, разворачивающихся в таком большом количестве городов, что их учет не представляется возможным [McGillivray, Guillard, Reid, 2020; Chung et al., 2021]. Критики указывают на сложность эмпирического анализа коннективного действия, поскольку оно многомерно и включает слишком большое число индикаторов, которые трудно учесть: формат коммуникации (онлайн/офлайн), способ организации действия (индивидуальное, слабо связанное), наличие платформенных структур (сайтов, онлайн-групп, мессенджеров) как важных самостоятельных агентов действия, тип действий (множество онлайн-действий, их виральность). Тем не менее даже критики признают, что альтернатив концепции коннективного действия не существует.

Мы считаем важным локализовать коннективное действие и посмотреть на него как на разворачивающееся по поводу *конкретного городского пространства*. Фокусировка на конкретном случае оспаривания пространства позволяет внимательно рассмотреть механику коннективного действия и две его составляющие. Во-первых, анализ конкретного локального случая дает нам возможность идентифицировать горожан, включенных в защитные действия, и оценить степень их вовлеченности, которая достигается в том числе благодаря онлайн-платформам, или признать принципиальную невозможность такой идентификации. Во-вторых, конкретный случай отстаивания интересов горожан помогает установить платформенный ассамбляж — взаимодействие нескольких платформ в городском конфликте, их соединение с офлайн-пространствами и балансирование между онлайн- и офлайн-площадками. Благодаря учету перечисленных обстоятельств мы можем сделать шаг к более реалистичному пониманию коннективного действия, за которое активно выступают исследователи [McGillivray, Guillard, Reid, 2020; Chung et al., 2021], настаивающие на его гибридном характере. Полагаем, что частью ревизии концепции коннективного действия должно стать признание его зонтичным термином, объединяющим множество разновидностей. Их описание поможет концепции коннективного действия преодолеть болезни роста и перестать восприниматься как недифференцированное указание на все онлайн-мобилизации.

Далее мы рассмотрим четыре базовых типа локального коннективного действия, выделенные нами на основе анализа ситуаций оспаривания городского пространства. Мы представим четыре случая, которые произошли в российских городах-миллионниках и связаны с локальными градозащитными кампаниями без широких политических требований. В каждом из рассматриваемых случаев по-разному действовали цифровые платформы (социальные сети и чаты в мессенджерах), их сопоставление позволит выявить формы коннективности. В этой части статьи мы рассмотрим каждый случай мобилизации с точки зрения того, какие роли в цифровом сетевом действии (*digitally networked action*) [Bennet, Segerberg, 2012] играют два ключевых элемента — *онлайн-площадки* и *социальные группы*, включенные в конфликт. Выделение двух критериев типологии связано с идеями Л. Беннета и А. Сегерберг [ibid.] о неоднородности коннективного

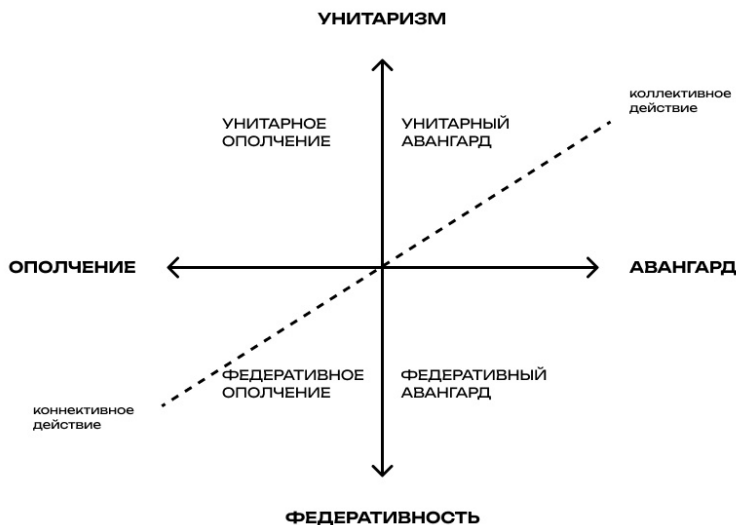
действия. Авторы выделяют три идеальных типа действия, опосредованного цифровыми платформами: *коллективное*, *коннективное-1* и *коннективное-2*. В их версии коллективное действие достаточно строго координируется активистским ядром — группой или организацией, которая фреймирует конфликт, предлагает конкретные действия и модерировать информационные платформы, с помощью которых коммуницирует со своими сторонниками и контролирует совместные действия. Коннективное действие обоих типов отличается от коллективного тем, что его логика не требует сильного организационного контроля. В рамках коннективного действия ключевую организационную роль берут на себя сами цифровые платформы. Если коннективное-2 еще отчасти направляют организованные группы, то в случае наиболее радикальной формы коннективного действия (коннективное-1) модерация и координация со стороны организованного коллектива полностью отсутствуют: пользователи самостоятельно используют доступные онлайн-платформы для выражения политической позиции и производят персональные высказывания независимо друг от друга.

Применяя эту типологию к рассматриваемым нами локальным городским конфликтам, мы обнаруживаем, что различия между коллективным, коннективным-1 и коннективным-2 действиями проходят по двум линиям. Во-первых, это характер распределения ответственности и агентности в рамках кампании между инициативной группой, выступающей администратором онлайн-страниц, и подписчиками. Во всех четырех случаях присутствуют небольшие группы, создающие онлайн-площадки и модерировать их с большей или меньшей строгостью. Сама логика интерфейса социальных сетей наделяет их большей властью, чем подписчиков, оставляя за ними возможность координировать и модерировать, ставить границы и определять «своих» и «чужих». Распределение ответственности между администраторами и подписчиками онлайн-групп варьируется по условной шкале «отсутствие согласованного администрирования», соответствующее коннективному действию-1, — «невмешательство» (коннективное-2) — «строгий контроль» (коллективное). Вторая линия различий также связана с классификацией Л. Беннета и А. Сегерберг [ibid.]. Согласно их концепции, коннективное действие распределено по социальным медиа и не фокусируется на какой-либо одной платформе. Таким образом, чем более монополизирована кампания в рамках одной онлайн-группы (или сети связанных групп в разных социальных медиа, управляемых одной командой администраторов), тем ближе случай в классификации к коллективному действию; и чем больше задействовано платформ, страниц, аккаунтов, способов реализации цифрового действия, тем ближе случай к коннективному-1.

В следующих частях статьи мы представляем четыре эмпирически установленных базовых типа локальных цифровых сетевых мобилизаций, образующихся на пересечении двух обозначенных выше осей/линий. Для простоты мы назвали эти оси «ополчение — авангард» и «унитаризм — федеративность». Первая ось отражает характер распределения ответственности и агентности в рамках кампании между инициативной группой, выступающей администратором онлайн-страниц, и подписчиками. Вторая позволяет различить уровень монополизации кампании одной цифровой платформой. Соотнося эту классификацию с триадой идеальных типов Л. Беннета и А. Сегерберг, можно сказать, что «унитарный аван-

гард» находится максимально близко к тому, что они обозначают как коллективное действие, в то время как «федеративное ополчение» стремится к идеальному типу коннективного-1.

Рис. 1. Четыре типа локального коннективного действия

При изучении коннективного действия мы совмещали анализ коммуникации на онлайн-платформах с разговорами с их создателями и администраторами, а также лидерами и участниками инициативных групп, действующих офлайн. Мы полагаем, что совмещение этих перспектив дает возможность избежать неоправданной «онлайнизации» коннективного действия — рассмотрения его как исключительно онлайн-активности. Кроме того, мы рассматривали онлайн-платформы как часть сложных констелляций локального коннективного действия, включающих значимые в конкретном случае обстоятельства — от городского политического режима и участия отдельных акторов до пространственной организации городов. Такой подход не позволяет нам искать каузальности и делать выводы, почему в рассматриваемых нами четырех случаях мобилизация происходит по-разному. Однако он обращает наше внимание на организующую роль цифровых платформ и помогает понять, как выстраивается медиированное платформами взаимодействие горожан.

Базовые типы локального коннективного действия в четырех российских городах-миллионниках

Далее мы обратимся к четырем случаям городской мобилизации, иллюстрирующим выделенные нами типы локального коннективного действия: защите зданий на улице Богдана Хмельницкого в Новосибирске, защите парка им. 60-летия Советской власти в Самаре, конфликту вокруг Программы реновации жилья в Москве, мобилизации в новостройках Санкт-Петербурга. Эти случаи различаются по продолжительности, конфигурациям участвующих в них групп интересов,

по интенсивности противостояния и достигнутым результатам. При всех различиях и ограниченной сопоставимости кейсов в них ярко проявляется разнообразие медиирования цифровых платформ: на их примере мы можем систематизировать различия в характере распределения ответственности и агентности между инициативной группой и подписчиками, а также в уровне монополизации кампании одной цифровой платформой. Рассматривая выбранные случаи, мы воспроизведем контекст противостояния, обозначим действия вовлеченных сторон и платформ (отметив, почему кейс относится к федеративности/унитаризму и авангарду/ополчению), и укажем на особенности получившегося типа.

В рамках анализа мы опираемся на обширную эмпирическую базу⁶. В нее входят, во-первых, 32 полуструктурированных интервью, проведенные в 2020—2022 гг. в Новосибирске, Самаре, Москве и Санкт-Петербурге с активистами, журналистами, местными жителями, принимавшими участие в исследуемых конфликтах. Информанты представляют разные позиции, в разной степени вовлечены в конфликты, их роли в работе онлайн-платформ также разнятся. Собранные интервью прошли тематическое кодирование. Во-вторых, анализ включает материалы девяти онлайн-групп на платформах «ВКонтакте» и Facebook*, которые были связаны с конкретными городскими конфликтами. Посты, собранные из этих групп, были закодированы следующим образом. В небольших группах кодировались все доступные на стенах посты (всего 222 и 475 постов для каждой социальной сети соответственно). В крупных группах с большим числом постов были отобраны и закодированы по 100 собравших наибольшее число лайков, а также по 300 постов, отобранных блоками по 20 постов с шагом 150—200 постов между блоками. В одном случае (самая крупная группа) применялась иная система: анализ затронул 110 постов, отобранных в соответствии с основными темами обсуждений в онлайн-группах новых жилых районов, выделенными с помощью статистической модели LDA.

Унитарный авангард: защита ул. Богдана Хмельницкого (Новосибирск)

В 2013 г. один из жителей улицы Богдана Хмельницкого (новосибирской Богданки, или Богдашки) прочитал в комментариях к одной из новостей на популярном в Новосибирске новостном портале NGS.ru, что по соседству с его домом затевается масштабная стройка: вместо клуба «Отдых» и Дома спорта должны появиться многоэтажные жилые дома, резко выделяющиеся на фоне соцгородка. В планах был не только снос общественных зданий, но и вырубка части соснового бора, с которым соседствует Богданка. Это совсем не соответствовало ожиданиям жителей: вместо давно обещанного нового социально-культурного центра, обсуждавшегося на общественных слушаниях еще в конце 2010-х годов, теперь в планах было строительство большого жилого комплекса, который лишь усилил бы нагрузку на существующую социальную инфраструктуру. *«То есть вот это вот вызвало протест, и я тогда создал группу „Защитим Богданку“. И стал пытаться*

⁶ Эмпирическая база данной статьи собрана в рамках работы над проектами «Механизмы согласования интересов в процессе развития городских территорий» (<http://urbanconflictsrussia.ru/>), «Estates after Transition» (<https://www.estatestransition.org/>), «Слоеный пирог соседства» (<https://privetsosed.org/>) и «Политическая онтология цифровизации: исследование институциональных оснований цифровых форматов государственной управляемости» (<https://rscf.ru/project/19-18-00210/>).

ся как-то это все дело предотвратить», — говорит в интервью этот житель (инф. 1). Так началась кампания против застройки Богданки.

Хотя снос зданий и последующее строительство ЖК остановить не удалось, в результате работы активистов и кооперации жителей в группе «Защитим Богданку» во «ВКонтакте» район получил охранный статус⁷, а сама онлайн-группа со временем превратилась в локальное гражданское медиа. Она не ограничила свою тематику противостоянием, но стала пространством для коллективного обсуждения повседневной жизни городской территории.

Активисты, стоящие за страницей «ВКонтакте», публикующие посты и модерирующие обсуждения, — это лишь часть инициативной группы защитников Богданки, а онлайн-активности — часть множества действий по отстаиванию интересов горожан. Последние включают пикеты, арт-акции, сбор подписей, обсуждения с местными властями и многое другое. В онлайн- и офлайн-пространстве лидерские позиции заняли разные люди, что не привело к расколу группы: в частности, в качестве основного инициатора защиты Богданки наши собеседники называли депутата городского совета от местного избирательного округа, в то время как создателем и главным модератором онлайн-группы стал другой активист. В разговоре с нами одна из активисток затруднилась однозначно назвать главу группы:

То есть все-таки руководитель группы, ну, не руководитель, у нас нет руководителя. Потому что у нас такая группа — приходят, уходят. (Инф. 2)

Тем не менее коллективное руководство и отсутствие лидера не означает терпимость к различающимся мнениям ни в среде самих активистов, ни по отношению к подписчикам группы, посвященной конфликту. Активисты провели четкие различия между «правильными» и «неправильными» идеями: они блокировали защитников Богданки, требовавших «неверных» шагов в ходе конфликта, или закрыли им доступ к публикации постов, тем самым присваивая себе право выносить суждения от имени всей онлайн-группы. Рассказывая о своем неудачном опыте сотрудничества с активистской группой, одна из защитниц Богданки отмечает:

Потому что те, кто во главе стоит, они быстро стали негативно ко мне относиться за мои, видимо, вопросы неуместные. А потом меня даже забанили в этой группе, ну, и все. (Инф. 3)

Таким образом, группа не работала в качестве площадки для обсуждения и выработки коллективной позиции — она скорее представляла собой медиа, через которое инициативная группа собирала нужные ресурсы для реализации уже принятых решений. Подписчики имели возможность участвовать в сборе подписей, уличной политике или направлении жалоб. Администраторы группы инициирова-

⁷ В 2017 г. новосибирское областное Управление по охране объектов культурного наследия внесло часть улицы Богдана Хмельницкого и прилегающей застройки соцгородка в список выявленных объектов культурного наследия. Этот участок не включал клуб «Отдых» и Дом спорта и не сыграл значимой роли в защите этих зданий. Между тем в 2021 г. временный статус выявленного объекта сменился на постоянный статус достопримечательного места, при этом границы территории под охраной расширились. Статус достопримечательного места защищает территорию от любого капитального строительства.

ли и поддерживали эти активности, но оставляли за подписчиками возможность выражения собственной позиции:

Вышел свежесвепеченный репортаж о нашем мэре. Комментариев почти нет! На абордаж, друзья, да будем услышаны! (Пост во «ВКонтакте»)

Однако ведущую роль в кампании брали на себя именно члены инициативной группы. В случае защиты Богданки мы имеем дело с «авангардом» — группой активистов, хоть и горизонтально организованной, но обладающей монополией на фреймирование конфликта.

Общение противников застройки Богданки происходило онлайн и офлайн. Офлайн-коммуникация была важна для ряда кампаний, например, когда участникам удалось собрать порядка семи тысяч подписей жителей района, протестующих против строительства. Онлайн-коммуникация же по стечению обстоятельств разворачивалась преимущественно на платформе «ВКонтакте». Отчасти это было намеренное стремление инициативной группы контролировать информацию о ходе конфликта, отчасти — вынужденное «отступление» обсуждений на единственную платформу из-за нежелания участников других городских пабликов дискутировать о проблемах, которые казались им слишком локальными.

Наверное, главный паблик у нас Новосибирске — это «АСТ 54». Это автомобильный паблик, но там такое вот социально важное что-то пишут. У них я размещала посты про события, пикеты, митинги... Ну, опять же была реакция: «Что вы ерундой маетесь?» (Инф. З)

Собственная онлайн-площадка «Защитим Богданку», контролируемая только инициативной группой жителей, обеспечивала возможность свободно высказываться от лица всех защитников улицы без необходимости доказывать важность кампании тем, кто поддерживает снос и строительство ЖК. Конкурирующие площадки, на которых бы выстраивались альтернативные правила и подходы к разрешению ситуации, на Богданке не возникли — в этом смысле мобилизация была «унитарной».

Благодаря наличию инициативного «авангарда» и продвижению единой версии конфликта действия защитников Богданки похожи на классическое коллективное действие. Однако высокая медиированность взаимодействия участников — использование «ВКонтакте» для постоянной коммуникации с подписчиками, обозначения основных позиций и блокирования несогласных, планирования акций, а также подвижность состава и нечеткость ролей участников инициативной группы позволяют говорить об особом типе локального коннективного действия, который мы называем «унитарным авангардом».

Федеративный авангард: защита парка им. 60-летия Советской власти (Самара)

Осенью 2012 г. жителям Самары и городским активистам стало известно о планах застройки парка им. 60-летия Советской власти — большой лесопарковой зоны на окраине города, примыкающей к спальным районам. Планы вызвали

резкое недовольство горожан и спровоцировали кампанию по защите парка. Ее инициатором и «голосом» стал известный самарский блогер, рассказывавший о противостоянии в своем «Живом Журнале», а потом и в специально созданной им группе «Защита городской природы» во «ВКонтакте». На протяжении восьми лет конфликт по поводу лесопарка неоднократно разгорался и затухал. Амбиции застройщика стабильно наталкивались на сопротивление местных жителей и городских активистов.

Очередной этап противостояния привел к появлению в 2018 г. еще одной онлайн-группы во «ВКонтакте», она получила название «Защита лесопарка Самары» и объединила действующих защитников парка им. 60-летия Советской власти. Создавшие ее местные активисты изначально не подозревали ни о шестилетней истории отстаивания парка, ни о людях, которые вели группу «Защита городской природы», однако со временем они реконструировали историю сопротивления. Фактически в конфликт пришло новое поколение, которое по «цифровым следам» (онлайн-публикациям) обнаружило «первое поколение» активистов и начало сотрудничать с ними.

Мы нашли старую группу во «ВКонтакте» по защите лесопарка, посмотрели все, что они делали, огромный просто труд. (Инф. 4)

До настоящего времени группы существуют параллельно, демонстрируя «ополченческую» альтернативу сплоченному «авангарду» новосибирской Богданки. Обе группы существуют на платформе «ВКонтакте», поддерживают друг друга репостами и взаимными упоминаниями. Хотя общая цель групп состоит в защите лесопарка, их контент и выбранные стратегии различаются. Например, созданная в 2018 г. группа больше внимания уделяет повседневной жизни парка, рассказывая о населяющих его птицах и животных, происходящих событиях (лыжных забегах и субботниках), претендуя на роль локального медиа парка, а не только платформы для защиты от застройки.

Обе группы представляют себя как коллективных акторов, не выделяя отдельных участников. Между тем разделение инициативных групп и подписчиков прослеживается четко: администраторы, представители инициативных групп, определяют правила работы групп, контролируют содержание постов, приглашают подписчиков присоединиться к реализации решений (например, писать жалобы в разные инстанции по подготовленному образцу или расклевать уже подготовленные шаблоны листовок), а также обращаются к подписчикам за помощью в поиске ресурсов. Они сообщают о результатах работы инициативной группы вне онлайн-пространства, проводя границу между собой и подписчиками:

<...> Члены нашей инициативной группы были приглашены на личный прием к главе администрации г. о. Самара. (Пост во «ВКонтакте»)

Подписчики, в свою очередь, поддерживают это различие, обращаясь к администраторам «ребята-активисты», задавая вопросы о результатах работы, выражая благодарность инициативной группе. Аналогично случаю новосибирской

Богданки, защитники парка в Самаре представляют собой «авангард», который контролирует медиаплатформу и решает, какую долю ответственности за ход кампании можно отдать подписчикам.

Обе группы не только создают пространство для обсуждения проблем и общих стратегий действия, но и являются школами гражданского активизма. Они «расколдовывают» официальные структуры, показывая принципы их работы [Запорожец, Багина, 2021], и обучают горожан коммуникации с ними. Создатели групп публикуют понятные и удобные алгоритмы гражданского участия — делятся инструкциями по написанию жалоб, петиций, подачи исков и других форм выражения своей позиции. Они же выступают в роли стихийных медиаторов общения властей и горожан, принимая на себя роль переводчиков и толкователей канцелярита и официальных решений. Перевод часто дополняется перекодированием — помещением информации в систему понятных горожанам или официальным лицам координат. В частности, инициативная группа может пояснить подписчикам, почему очередной официальный ответ на их обращение является «отпиской» или, напротив, дает надежду на победу в борьбе за парк. Неравенство в знаниях и опыте между активистами и другими участниками онлайн-групп создает иерархии, обнаруживаемые статистикой просмотров. Согласно ей, подписчики гораздо чаще знакомятся с размещенной информацией, чем вступают в обсуждения или публикуют собственные материалы. Таким образом, создатели групп в социальной сети удерживают позицию «авангарда» во многом благодаря накапливаемому опыту гражданского участия и наличию необходимых знаний, а не только доступу к администрированию групп.

Согласно нашей типологии, защита самарского парка соответствует «федеративному авангарду». Конечно, в ситуации «унитаризма» инициативная группа также может задействовать разные платформы для реализации разных задач: например, иметь чат для оперативных обсуждений «узким кругом» и группу «ВКонтакте» для публикации результатов деятельности и взаимодействия с чиновниками или подписчиками. Но в случае «федеративности» такими площадками управляют разные инициативные группы. Даже если они разделяют общие цели, как в случае с защитой парка в Самаре, присутствие нескольких платформ, администрируемых разными людьми, влияет на динамику конфликта, поскольку создает более сложные конstellации акторов и медиаторов, участвующих в конфликте.

Федеративное ополчение: Программа реновации (Москва)

В 2017 г. власти Москвы анонсировали «Программу реновации жилищного фонда»⁸ (далее — Программа). Согласно ей, более 5 тыс. жилых зданий послевоенного периода постройки должны быть снесены и заменены новыми высотными микрорайонами. Программа была неоднозначно принята москвичами. В то время как одни были рады перспективе переезда в новое жилье, другие мобилизовались против Программы [Желнина, 2019]. Существенная часть об-

⁸ См. Постановление Правительства Москвы от 1 августа 2017 г. № 497-ПП «О Программе реновации жилищного фонда в городе Москве» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/456082244> (дата обращения: 24.08.2023).

щественных дискуссий и коллективных действий, связанных с конфликтом вокруг нее, происходила онлайн на площадках Facebook* и «ВКонтакте», а также в мессенджерах.

Сложно даже приблизительно оценить масштаб онлайн-активности москвичей. Это связано как с характером самой Программы, одновременно затронувшей разномасштабные вопросы частной (квартир) и коллективной (общих помещений и инфраструктур домов) собственности, придомовых территорий и микрорайонов, муниципальных округов и районов, так и города в целом. Каждому из этих масштабов соответствуют свои страницы в социальных сетях и чаты в мессенджерах. Существуют общегородские группы, где в постах пользователи обращаются к широкой московской публике, *«соратник[ам] по борьбе за сохранение Москвы для жизни»* (Facebook*, общегородская группа противников реновации). Районные группы удерживают связь между общегородской повесткой и ее реализацией на отдельных территориях, где важным субъектом стала местная управа: в таких группах участники встреч с главой управы публиковали свои отчеты и впечатления. Группы/чаты отдельных домов становятся площадкой, где одни соседи убеждают других в необходимости голосовать «за» включение дома в программу или «против». *«Очень нужны аргументы для запуганных людей, почему, если нас обманывают, то надо голосовать „ПРОТИВ“.* Помогите, пожалуйста, с аргументами», — пишет одна из жительниц попавшего под реновацию дома в общегородской группе Facebook*, рассчитывая получить инструмент для влияния на соседей в небольшом домовом чате.

Разное отношение к программе поляризовало москвичей, спровоцировав создание групп «за» реновацию и «против» нее (их подписчики иногда именуют друг друга «засносцы» и «противосносцы»). Такие группы также относятся к разным масштабам. Обсуждения и советы, публикуемые в общегородской Facebook-группе* «Москвичи против сноса», хотя и могут быть полезны отдельным горожанам, все же не затрагивают с должной глубиной специфику конкретных районов, поэтому параллельно возникают такие группы, как «Старое Марфино против сноса пятиэтажек» (во «ВКонтакте») или «ЮВАО против реновации» (в Facebook*). Подписчики полярных групп нечасто пересекаются друг с другом и не тратят время на дискуссии о пользе и вреде реновации: обсуждения в них, как говорят информанты, происходят «по существу», то есть посвящены конкретным действиям по защите своего дома от Программы или по увеличению шансов попасть в нее. Если же сторонники оставляют комментарии в группе противников (или наоборот), такое взаимодействие оказывается крайне конфликтным:

Кто-то там [в группе сторонников Программы] предложил разогнать нашу группу [противников], на что я ответил соответствующим образом и тут же был забанен. После этого я перестал туда ходить, поняв, какой там контингент. (Пост во «ВКонтакте», районная группа противников)

Чтобы избегать лишних конфликтов, администраторы групп делают их закрытыми и проводят «фильтрацию» на этапе предоставления доступа:

У меня есть своя районная группа, да, в Фейсбуке. <...> Первым, что я стала делать, — это собирать единомышленников. Естественно, это нормальный шаг, вполне такой разумный. <...> Она закрытая. Захочу — приму, не захочу — не приму. У нас есть там небольшой опросник. <...> Я всех подряд, конечно, не беру, то есть я смотрю, вычисляю периодически. То есть у нас было тут нашествие всяких ботов, я их всех поудалила, заблокировала. (Инф. 5)*

Кроме того, реновация обсуждалась и на площадках уже существовавших районных групп — как тех, что находятся под контролем местных администраций, так и инициативных гражданских медиа. Администраторы районных групп заняли разные позиции в отношении программы реновации. Кто-то оставил группу нейтральной:

Я не замечал, что в какую-то сторону склоняет администратор группы. Он постит, публикует все, независимо «за» или «против» реновации. (Инф. 7)

Кто-то, напротив, воспользовался позицией администратора, чтобы публично выразить свою личную позицию. Учитывая столь большое разнообразие платформ для обсуждения Программы реновации, кампании вокруг нее попадают под нашу классификацию «федеративности». В отличие от конфликта вокруг самарского парка, московская реновация демонстрирует разнообразие масштабов групп, форматов управления ими, объединяющих целей и, конечно, самих платформ, вовлеченных в конфликт.

Подобные группы работают как площадки для накопления общего знания. В случае сторонников реновации это знание о том, как действовать, чтобы получить лучшую квартиру и вовремя подготовиться к переезду. В случае противников — поиск «швов», по которым можно нанести «удар», тем самым разрушив программу [Шиповалова, Чернышева, Гизатуллина, 2021]. Для этого москвичи делятся инструкциями («*Пора предпринимать активные шаги. Пошаговая инструкция о подаче иска на незаконное голосование на АГ и в МФЦ*») (Facebook*, общегородская группа противников) и публикуют отчеты о результатах различных индивидуальных действий. Некоторые сообщения указывают на коллективное и равное распределение ответственности — как, например, следующая цитата, где один подписчик призывает другого к активным действиям по обмену знанием и тестированию системы голосования «за» или «против» вхождения дома в Программу:

Надо не здесь [в онлайн-группе] об этом [о возникшей проблеме с голосованием в «Активном гражданине»] писать (хотя, информировать о прецеденте, конечно, надо), а брать свое свидетельство о собственности на квартиру и прямо с утра идти скандалить в МФЦ. Желательно с камерой и парой соседей. А завтра написать о результатах. (Пост во «ВКонтакте», районная группа соседей)

Одна из информанток говорит, что наполнение групп — это «*такая большая работа, общая работа*» (инф. 6), то есть отдельные подписчики страниц участвовали в кампании наравне с администраторами онлайн-групп или инициативными группами общегородского масштаба.

Более того, Программа реновации оказалась одновременно масштабной общегородской и максимально локальной, поскольку конкретная судьба каждой квартиры зависела не только от того, как разворачивается «большая» городская кампания, стремящаяся остановить или усилить Программу в ее текущей версии, но и локальная, относящаяся к отдельному дому, жильцы которого принимали решение об участии большинством голосов⁹. В отличие от онлайн-групп защитников самарского парка и новосибирских общественных зданий, в которых подписчики имели возможность оставаться невидимыми наблюдателями, негласно передавая ответственность за решение конфликтов нескольким инициативным людям, подписчики групп и пабликов, связанных с московской Программой реновации, неизбежно попадали в число ответственных за принятие решений в рамках кампании. Это связано с тем, что москвичи вынуждены были участвовать в голосовании, и гарантировать реализацию их решения могла только мобилизация на всех уровнях, от дома до всего города. Кампания против Программы реновации попадает в нашей типологии под категорию «ополчения», где нет очевидных лидеров, от которых зависит, какие исходы будут в этом конфликте, где ответственность в равной степени лежит на администраторах и подписчиках, активных и не очень активных участниках обсуждений в группах, чатах и мессенджерах.

Каждую отдельную онлайн-площадку можно было бы рассматривать как независимое от других гражданское медиа, в котором есть свои администраторы (инициативная группа) и подписчики, а значит, устанавливается свой формат отношений между ними, определяющий возможности действия и распределения ответственности за результаты этого действия. Между тем, рассматривая масштаб всей кампании, мы относим ее к «федеративному ополчению»: она представляет собой некое подобие фрактала, одновременно распадаясь на множество маленьких кампаний и собираясь в две большие — «за» и «против» реновации. Онлайн-площадки создали возможности для одновременного сосуществования этих разных масштабов и векторов.

Унитарное ополчение: конфликты в ЖК «Северная долина» (Санкт-Петербург)

Четвертый тип локального коннективного действия мы проиллюстрируем случаем гражданского соседского медиа, созданного жителями новостроек в Санкт-Петербурге. Речь идет о жилом комплексе «Северная долина» — типичном представителе нового высотного жилого строительства на городской периферии. С момента заселения первых домов в 2010 г. жители «Северной долины» развивают онлайн-соседство, представленное разветвленной сетью онлайн-групп и публичных страниц на платформе «ВКонтакте». Такие инфраструктуры характерны для новостроек не только в Петербурге [Gromasheva, 2021; Запорожец, Багина, 2021].

Ядром этой сети — наиболее крупными публичными страницами, связанными единым дизайном и названиями и разделенными по тематике контента, — управляет группа администраторов, скрывающих свои имена. Оставаясь анонимными, они предлагают подписчикам набор правил пользования страницами, среди ко-

⁹ Подробнее о формах голосования см. [Шиповалова, Чернышева, Гизатуллина, 2021].

торых навигация по существующим группам сети («Поиск/публикация вакансий возможна только в группе Работа»; здесь и далее — раздел «Описание группы»), определение группы как архива («Опубликованные посты НЕ удаляются»), а также возможные причины блокировки пользователей («Бан можно получить за хамство, переход на личности, провоцирование конфликта. Забанить можем за мат, за рекламный спам и сообщения не по теме (не касается юмора и соседского общения)»). Никаких «идеологических» или тематических ограничений администраторы не вводят, и фактически в основной группе сети появляются посты на разные темы, в том числе конфликтные (например, политические). Учитывая монополию на установление правил и модерацию целой сети онлайн-групп соседства, мы относим ее к «унитарным» случаям. Альтернативной платформы сопоставимого масштаба у «Северной долины» нет.

Администраторы сети групп не занимаются наполнением страниц контентом: их работу можно охарактеризовать как поддержание инфраструктуры соседского гражданского медиа. Все, что появляется на страницах, исходит от подписчиков и опосредовано функцией интерфейса «ВКонтакте», которая называется «Предложить пост». Предлагаемые посты попадают на одобрение к администраторам, которые решают, соответствуют ли они правилам, и публикуют — иногда сопровождая припиской «от админов». Это может быть шутивная картинка-иллюстрация к посту, а может быть информация, снимающая с администраторов ответственность за содержание сообщения. Например, опубликованный пост «*Всем здравствуйте. Жители с детьми особенно 13 очереди 1 и 2 корпуса и все кто рядом, по причине отсутствия по близости интересной детской площадки, поступило предложение сброситься (например) по 1 000 руб и согласовать установку детской площадки. Кто как на это смотрит??*» сопровождается такой припиской: «*От админов. Внимание! Мы не собираем на форуме средства. Остерегайтесь мошенников, которые могут написать вам в личку под предлогом сбора*». Из интервью с администраторами можно узнать о некоторых правилах модерации. Так, они не пропустят то, что сочтут рекламой, или будут остерегаться публикации изображений людей:

<...> Даже вот если дети курят за гаражами, [на публикуемой фотографии] у них такие вот будут квадратики или лица будут замазаны. (Инф. 8)

Сеть онлайн-групп жилого комплекса работает как краудсорсинговая платформа, и ее активность полностью зависит от вовлеченности самих жителей района в онлайн-коммуникацию — персонального желания публиковать новости и обсуждать их в комментариях. На базе этой инфраструктуры инициативные жители проводят свои кампании. Например, в феврале 2020 г. стартовала одна из крупных кампаний против строительства храма на территории «Северной долины», и инициативная группа публиковала посты, приглашая соседей присоединиться к сбору подписей: «*Соседи! Сегодня, 16 февраля с 18.00 до 19.00 в кафе [адрес, название] будем собирать подписи под обращением против изменения изначального плана застройки „Северной Долины“. Изменение плана строительства ЖК „Северная Долина“: был многофункциональный комплекс, стал объект религиоз-*

ного назначения». Постоянно продолжается борьба жителей отдельных домов с управляющей компанией, о ходе которой активисты Советов домов сообщают на страницах соседской группы: «Еще два (в дополнении к решению по [адрес]) решения [адрес] Арбитражного суда не в пользу [название управляющей компании]: тарифы вернуть, сделать перерасчет! Поздравляем соседей!». Периодически появляются сообщения о мобилизации соседей на коллективные поиски животных: «Создана конференция для поиска кота. Кто хотел бы принять участие в поиске — напишите. Как кот будет найден, то сразу сообщим».

В последнем примере видно, как желающих вовлечься приглашают воспользоваться альтернативными площадками для продолжения инициативной работы. Тем не менее центральная онлайн-группа остается основной площадкой рекрутинга и старта кампаний любого рода. Через нее соседей приглашают подключаться к онлайн-группам домов или обсуждению отдельных тем. Хотя эти площадки могут представлять собой иные типы локального коннективного действия — например, унитарного авангарда, если речь о группе, которую ведет Совет дома, сообщая о ходе кампании по понижению тарифов на коммунальные услуги, — они по-прежнему остаются частью общей сети, будучи соединенными с ядовыми группами района ссылками или персоналиями администраторов.

В этом проявляется «унитарное ополчение» — четвертый тип коннективного действия. Ядро онлайн-инфраструктуры и логика его разрастания продуманы администраторами и задаются «сверху», тогда как отдельные инициативные группы со своими медиаплатформами возникают вокруг этого ядра. Администраторы не выступают в роли инициативной группы, они создают инфраструктуру для того, чтобы инициативы могли разворачивать свою работу. На базе этой «унитарной» инфраструктуры жители района действуют в духе «ополчения»: оставаясь в рамках идеи создания соседского общего блага, они фреймируют множество конфликтов разных масштабов — между жителями (по поводу правил выгула собак), между жителями и застройщиком (по поводу строительства социальной инфраструктуры) или между жителями конкретного дома и управляющей компанией (по поводу размера тарифов на коммунальные услуги). Активисты отдельных домов, муниципальные депутаты, «неравнодушные соседи» в равной степени имеют доступ к соседской онлайн-инфраструктуре и проводят на ней свои кампании, зачастую вступающие в противоречие друг с другом.

Заключение

Сегодня, когда городская повестка является одной из немногих сфер для выражения протеста в России, а уличная политика почти невозможна, исследование онлайн-практик, связанных с локальными городскими конфликтами, предстает важнейшим направлением исследований мобилизации — организации совместных действий горожан по достижению определенных целей. Развитие онлайн-коммуникации внесло изменения в динамику городских конфликтов, равно как и городские конфликты повлияли на сетевое взаимодействие. Рассматривать градозащитные кампании, не уделяя внимание онлайн-инфраструктуре, которую активисты задействуют в своей работе, означает оставлять за скобками важнейшие характеристики современных объединений.

В этом тексте мы пошли по пути внимательного рассмотрения того, как медируются локальные кампании, связанные с оспариванием городских пространств. Онлайн-площадки (мессенджеры, социальные сети) являются в этих случаях значимым структурным элементом мобилизации и принимают на себя организующую роль. Подобные случаи принято рассматривать в категориях коннективного действия — концепции, разработанной для анализа крупных политических кампаний вроде «Occupy» или «Indignados». Коннективное действие — стихийное, неорганизованное — вовлекает рассредоточенную публику в «гипермедиированную персонализированную форму коллективного действия» [Pond, Lewis, 2019: 215]. В отличие от традиционного коллективного действия (которое также может задействовать онлайн-инструменты), организующей силой коннективного становится онлайн-инфраструктура, а не организации, строго направляющие и моделирующие мобилизацию.

Между тем коннективное действие, представленное в классических работах, не описывает ситуацию, которую мы видим в градозащитных конфликтах, сфокусированных на конкретной городской среде и противостоянии в масштабах города. Участники таких противостояний намеренно избегают описания себя как «политических» и удерживают свои действия в формате узких требований, нацеленных на защиту территории. В таких случаях мы наблюдаем локальное коннективное действие, обладающее своими особенностями.

Предлагаемая нами категория — «локальное коннективное действие» — важна для общей дискуссии о коннективном действии, в рамках которой все чаще возникают сомнения в аналитической необходимости этой размытой и эмпирически трудно фиксируемой категории. Использование категории «локальное коннективное действие» значимо, поскольку, во-первых, не просто указывает на множественность коннективного действия (подобная попытка предпринималась еще создателями концепции), но предлагает критерии его дифференциации, открывая дорогу для новых типологий. Во-вторых, изучение более доступного для наблюдения и отслеживания траекторий локального коннективного действия может способствовать лучшему пониманию, а значит, и аналитической реабилитации, масштабного и массового коннективного действия.

Мы полагаем, что локальное коннективное действие делает наблюдаемыми два элемента, принципиально важных для понимания коннективных действий в целом. Во-первых, это различные группы участников, выделяемые на основе их вовлеченности в онлайн- и офлайн-активности, а во-вторых — платформенный ассамбляж противостояний и степень их монополизации той или иной онлайн-платформой. Превращение указанных элементов в оси координат, где первая ось (от «ополчения» к «авангарду») отражает отношения между выступающими администраторами онлайн-страниц инициативными группами и подписчиками, а вторая (от «федерализма» к «унитарности») — степень монополизированности коммуникации конкретной онлайн-платформой, позволяет выделить четыре базовых типа локальных коннективных действий.

Унитарный авангард максимально близок «классическому» коллективному действию: одна группа администраторов берет на себя ответственность за ведение кампании и использует онлайн-группу для организованной мобилизации сторон-

ников, оставляя им мало пространства для самостоятельного фреймирования конфликта и персонализированного действия. *Федеративный авангард* отличается тем, что таких онлайн-групп может быть несколько, действовать они могут независимо друг от друга (кооперируясь, не замечая друг друга или конфликта). *Унитарное ополчение* представляет собой форму мобилизации, в которой администраторы «сливаются» с инфраструктурой страниц, не проявляя себя как значимых игроков в рамках конфликта. На базе этой инфраструктуры горожане в определенной степени свободно могут реализовывать свои инициативы, фреймировать конфликты, проявлять позиции. Наиболее близко к «классическому» коннективному действию стоит *федеральное ополчение*. Это ситуация, в которой многообразии используемых платформ сочетается с многообразием инициативных коллективов и выражаемых отдельными горожанами позиций. Мобилизация происходит одновременно на разных уровнях — отдельной квартиры, дома, двора, района, города — и характеризуется высоким уровнем вовлеченности горожан в производство онлайн-действий, встраивающихся в логику локальной кампании.

Акцент на агентности администраторов онлайн-страниц и форматах работы, которые они выстраивают, как раз и является особенностью локального коннективного действия. В каких-то случаях мобилизации разворачиваются на готовой инфраструктуре, созданной по принципу близости в пространстве — так работает «унитарное ополчение», представляющее собой целую сеть связанных соседских/районных онлайн-групп и чатов. В иных случаях мобилизация, вопреки определению коннективного действия, строится вокруг общей идентичности (в данном случае территориальной) или на объединении вокруг фигур «ответственных соседей», которым можно доверять и которые как раз занимают лидирующие позиции администраторов в онлайн-группах. Наконец, во всех представленных в этой статье конфликтах существенное значение имеет обмен опытом офлайн-действий, попытки координации за пределами онлайн. Эта необходимость действовать на иных аренах, вне интернета отличает локальные конфликты, в которых само по себе онлайн-высказывание часто выглядит недостаточным для успеха кампании.

Список литературы (References)

Бедерсон В. Д., Желнина А. А., Запорожец О. Н., Минаева Э. Ю., Семенов А. В., Тыканова Е. В., Хохлова А. М., Чернышева Л. А., Шевцова И. К. Города расходящихся улиц: траектории развития городских конфликтов в России / под отв. ред. Е. В. Тыкановой. СПб.: ФНИСЦ РАН, 2021. <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-351-5.2021>.

Bederson V. D., Zhelnina A. A., Zaporozhets O. N., Minaeva E. Yu., Semenov A. V., Tykanova E. V., Khokhlova A. M., Chernyshova L. A., Shevtsova I. K. (2021) The City of Forking Streets: Trajectories of Urban Conflict Development in Russia. Saint Petersburg: FCTAS RAS. <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-351-5.2021>. (In Russ.)

Желнина А. А., Тыканова Е. В. Формальные и неформальные гражданские инфраструктуры: современные исследования городского локального активизма в России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2019. Т. 22. № 1. С. 162—192. <https://doi.org/10.31119/jssa.2019.22.1.8>.

Zheltnina A. A., Tykanova E. V. (2019) Formal and Informal Civic Infrastructure: Contemporary Studies of Urban Local Activism in Russia. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*. Vol. 22. No. 1. P. 162—192. <https://doi.org/10.31119/jssa.2019.22.1.8>. (In Russ.)

Желнина А. А. «Гетто в хорошем смысле» против «бетонного гетто»: районные дискурсы и реновация в Москве // Городские исследования и практики. 2019. Т. 4. № 2. С. 21—36. <https://doi.org/10.17323/usp42202021-36>.

Zheltnina A. (2019) “Ghetto in a Good Sense” Versus “The Concrete Ghetto”: Neighborhood Discourses and Renovation in Moscow. *Urban Studies and Practices*. Vol. 4. No. 2. P. 21—36. <https://doi.org/10.17323/usp42202021-36>. (In Russ.)

Запорожец О. Н., Багина Я. А. Власть надежд: отстаивание инфраструктуры в новых городских районах // Журнал исследований социальной политики. 2021. Т. 19. № 2. С. 269—284. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2021-19-2-269-284>.
Zaporozhets O. N., Bagina Ya. A. (2021) How Hopes Build the Civic Infrastructure or New Residential Areas. *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 19. No. 2. P. 269—284. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2021-19-2-269-284>. (In Russ.)

Семенов А. В., Минаева Э. Ю. Города расходящихся улиц: траектории развития городских конфликтов в России // Журнал исследований социальной политики. 2021. Т. 22. № 2. С. 189—204. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2021-19-2-189-204>.
Semenov A. V., Minaeva E. Yu. (2021) The Cities of Forking Streets: Trajectories of Urban Conflicts in Russia. *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 19. No. 2. P. 189—204. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2021-19-2-189-204>. (In Russ.)

Чернышева Л. А., Гизатуллина Э. Г. «ВКонтакте» с соседями: черты и практики гибридного соседствования в большом жилом комплексе в Санкт-Петербурге // Laboratorium: журнал социальных исследований. 2021. Т. 13. № 2. С. 39—71. <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2021-13-2-39-71>.

Chernysheva L., Gizatullina E. (2021) VKontakte and the Neighbors: Features and Practices of Hybrid Neighboring in a Large Housing Estate in Saint Petersburg, Russia. *Laboratorium: Russian Review of Social Research*. Vol. 13. No. 2. P. 39—71. <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2021-13-2-39-71>. (In Russ.)

Шиповалова Л. В., Чернышева Л. А., Гизатуллина Э. Г. Цифровые технологии управления в действии, или об активности граждан вокруг платформы «Активный гражданин» // Социология науки и технологий. 2021. Т. 12. № 1. С. 71—87. <https://doi.org/10.24411/2079-0910-2021-11005>.

Shipovalova L. V., Chernysheva L. A., Gizatullina E. G. (2021) Digital Governance Technologies in Action, or On the Activity of Citizens around the Platform “Active Citizen”. *Sociology of Science and Technology*. Vol. 12. No. 1. P. 71—87. <https://doi.org/10.24411/2079-0910-2021-11005>. (In Russ.)

Anduiza E., Cristancho C., Sabucedo J. M. (2014) Mobilization through Online Social Networks: The Political Protest of the Indignados in Spain 2014. *Information, Communication & Society*. Vol. 17. No. 6. P. 750—764. <https://doi.org/10.1080/1369118X.2013.808360>.

Bennett W. L., Segerberg A. (2012) The Logic of Connective Action: Digital Media and the Personalization of Contentious Politics. *Information, Communication & Society*. Vol. 15. No. 5. P. 739—768. <https://doi.org/10.1080/1369118X.2012.670661>.

Bennett W. L., Segerberg A. (2013) The Logic of Connective Action: Digital Media and the Personalization of Contentious Politics. New York, NY: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CB09781139198752>.

boyd D., Golder S., Lotan G. (2010) Tweet, Tweet, Retweet: Conversational Aspects of Retweeting on Twitter. In: Sprague R. H. Jr. (ed.) *Proceedings of the 43rd Annual Hawaii International Conference on System Sciences*. 5—8 January 2010 Koloa, Kauai, Hawaii. Los Alamitos, CA: The Institute of Electrical and Electronics Engineers. P. 1—10. <https://doi.org/10.1109/HICSS.2010.412>.

Cabitz F., Scramaglia R., Cornetta D., Simone C. (2016) When the Web Supports Communities of Place: The ‘Social Street’ Case in Italy. *International Journal of Web Based Communities*. Vol. 12. No. 3. P. 216—237. <https://doi.org/10.1504/IJWBC.2016.077758>.

Chung T.-L., Johnson O., Hall-Phillips A., Kim K. (2021) The Effects of Offline Events on Online Connective Actions: An Examination of #BoycottNFL Using Social Network Analysis. *Computers in Human Behavior*. Vol. 115. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2020.106623>.

Evans S. K., Pearce K. E., Vitak J., Treem J. W. (2017) Explicating Affordances: a Conceptual Framework for Understanding Affordances in Communication Research. *Journal of Computer-Mediated Communication*. Vol. 22. No. 1. P. 35—52. <https://doi.org/10.1111/jcc4.12180>.

Gerbaudo, P. (2012). *Tweets and the Streets: Social Media and Contemporary Activism*. London: Pluto Press. <https://doi.org/10.2307/j.ctt183pdzs>.

Gerbaudo P., Treré E. (2015) In Search of the ‘We’ of Social Media Activism: Introduction to the Special Issue on Social Media and Protest Identities. *Information, Communication & Society*. Vol. 18. No. 8. P. 865—871. <https://doi.org/10.1080/1369118X.2015.1043319>.

Gromasheva O. (2021) Hybrid Neighborness in Action: The Case of Kudrovo, Russia. *Laboratorium: Russian Review of Social Research*. Vol. 13. No. 2. P. 13—38. <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2021-13-2-13-38>.

Koskinen K., Bonina C., Eaton B. (2019) Digital Platforms in the Global South: Foundations and Research Agenda. In: *Information and Communication Technologies for Development. Strengthening Southern-Driven Cooperation as a Catalyst for ICT4D: 15th IFIP WG 9.4. International Conference on Social Implications of Computers in Developing Countries, ICT4D 2019, Dar es Salaam, Tanzania, May 1—3, 2019, Proceedings, Part I* 15. Springer International Publishing. P. 319—330.

Lupia A., Sin G. (2003) Which Public Goods are Endangered? How Evolving Communication Technologies Affect the Logic of Collective Action. *Public Choice*. Vol. 117. No. 3. P. 315—331. <https://doi.org/10.1023/B:PUCB.0000003735.07840.c7>.

Mattoni A. (2018) I Post, You Rally, She Tweets... and We All Occupy: The Challenges of Hybrid Spatiality in the Occupy Wall Street Mobilizations. In: Mortensen M., Neumayer C., Poell T. (eds.) *Social Media Materialities and Protest: Critical Reflections*. London: Routledge. P. 29—39. <https://doi.org/10.4324/9781315107066-9>.

McGillivray D., Guillard S., Reid E. (2020) Urban Connective Action: The Case of Events Hosted in Public Space. *Urban Planning*. Vol. 5. No. 4. P. 252—266. <https://doi.org/10.17645/up.v5i4.3406>.

Meier P.P. (2009) The Impact of the Information Revolution on Protest Frequency in Repressive Contexts. The 50th International Studies Association (ISA) Convention. February 15—18, 2007. URL: <https://irevolution.files.wordpress.com/2009/02/meier-isa-2009-final.pdf> (дата обращения: 21.08.2023).

Milan S. (2015) From Social Movements to Cloud Protesting: The Evolution of Collective Identity. *Information, Communication & Society*. Vol. 18. No. 8. P. 887—900. <https://doi.org/10.1080/1369118X.2015.1043135>.

Morozov E. (2011) *To Save Everything, Click Here: The Folly of Technological Solutionism*. New York, NY: Public Affairs.

Mortensen M., Neumayer C., Poell T. (eds.) (2018) *Social Media Materialities and Protest: Critical Reflections*. London: Routledge.

Mosconi G., Korn M., Reuter C., Tolmie P, Teli M., Pipek V. (2017) From Facebook to the Neighbourhood: Infrastructuring of Hybrid Community Engagement. *Computer Supported Cooperative Work*. Vol. 26. No. 4—6. P. 959—1003. <https://doi.org/10.1007/s10606-017-9291-z>.

Olson M. (1965) *The Logic of Collective Action: Public Goods and the Theory of Groups*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Pond P., Lewis J. (2019) Riots and Twitter: Connective Politics, Social Media and Framing Discourses in the Digital Public Sphere. *Information, Communication & Society*. Vol. 22. No. 2. P. 213—231. <https://doi.org/10.1080/1369118X.2017.1366539>.

Rainie H., Wellman B. (2012) *Networked: The New Social Operating System*. Cambridge, MA: MIT Press. <https://doi.org/10.7551/mitpress/8358.001.0001>.

Shulman S.W. (2009) The Case Against Mass E-mails: Perverse Incentives and Low Quality Public Participation in U. S. Federal Rulemaking. *Policy & Internet*. Vol. 1. No. 1. P. 23—53. <https://doi.org/10.2202/1944-2866.1010>.

Stephansen H. C., Treré E. (2019) Practice What You Preach? Currents, Connections, and Challenges in Theorizing Citizen Media and Practice. In: Stephansen H. C., Treré E. (eds.) *Citizen Media and Practice: Currents, Connections, Challenges*. London: Routledge. P. 1—34. <https://doi.org/10.4324/9781351247375-1>.

Treré E. (2018) Nomads of Cyber-Urban Space: Media Hybridity as Resistance. In: Mortensen M., Neumayer C., Poell T. (eds.) *Social Media Materialities and Protest: Critical Reflections*. London: Routledge. P. 42—56. <https://doi.org/10.4324/9781315107066-4>.

Приложение. Список информантов

Инф. 1 — активист, один из лидеров инициативной группы в защиту ул. Богдана Хмельницкого, создатель группы «Защитим Богданку» в социальной сети «ВКонтакте», Новосибирск.

Инф. 2 — активистка, участница инициативной группы в защиту ул. Богдана Хмельницкого, Новосибирск.

Инф. 3 — активистка, участница инициативной группы в защиту ул. Богдана Хмельницкого, Новосибирск.

Инф. 4 — участник инициативной группы защиты парка 60-летия Советской власти, Самара.

Инф. 5 — администратор районной страницы противников реновации в Facebook*, Москва.

Инф. 6 — администратор общегородской группы противников реновации в Facebook*, Москва.

Инф. 7 — подписчик районной группы соседей во «ВКонтакте», Москва.

Инф. 8 — администратор страницы группы соседей во «ВКонтакте», Санкт-Петербург.